

УДК 801-5
ББК 81.02
Т-91

Тутаришева Марзьят Каспотовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Адыгейский государственный университет;

Тутаришева Мариат Каспотовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник АРИГИ, доцент кафедры адыгейской филологии Адыгейский государственный университет, т.: 8(960)4996582.

**СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ И
ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА
(на материале разноструктурных языков)
(рецензирована)**

В статье приводятся разные точки зрения на отношение собирательных имен существительных к категории числа в лингвистике, рассматриваются в сравнительно-типологическом аспекте особенности употребления форм числа собирательных имен в таких разноструктурных языках, как русский и адыгейский.

Ключевые слова: грамматическая категория, собирательные имена, анумеральная семантика, лингвистика, редуплицированные слова, категория числа, грамматическая форма, аффиксация, корреляция.

Tutarisheva Marziet Kaspotovna, Candidate of Philology, associate professor of the Department of Russian language, ASU;

Tutarisheva Mariat Kaspotovna, Candidate of Philology, senior researcher of the ARIHR, associate professor of the Department of Adygh Philology, ASU, tel: 89604996582.

**COLLECTIVE NOUNS AND GRAMMATICAL CATEGORY OF NUMBER
(Based on different structural languages)
(Reviewed)**

The article presents different points of view on relation of collective nouns to the category of number in linguistics; peculiarities of the use of number forms of collective nouns in such languages as Russian and Adygh have been considered in the comparative typological aspect.

Keywords: grammatical category, collective names, abnumeral semantics, linguistics, reduplicated words, the category of number, grammatical form, affixation, correlation.

Категория числа – универсальная грамматическая категория, которая пронизывает всю морфологическую структуру изменяемых частей речи в русском и адыгейском языках. Природа категории числа существительных определяется в лингвистике как отражение реального значения количества, т.е. выражение количественных отношений в языке. В языках разного грамматического строя понятие количества получает неодинаковое отражение, поэтому оно может быть в них представлено по-разному. Так, грамматическая категория числа в рассматриваемых языках представлена семами единичности и множественности, которые выражаются в формах единственного и множественного числа. При этом маркированным членом оппозиции является мн.ч. Оппозицию единственного и множественного числа образуют большей частью существительные, обозначающие конкретные предметы, вещи, лица, подлежащие счету.

Однако значения и формы ед. и мн. ч. не всегда могут быть соотносимы в языке, т.к. в орбиту грамматических форм числа могут быть вовлечены не только названия единичных вещей, но и названия предметов, мыслимых без отношения к счету, к идее числа, т.е. слова с реальным значением которых «не сочетается либо представление о числе вообще, либо представление о множественности, выраженной в числах, в количественном измерении» [1, с. 156]. Это нарушает соотношение форм и значений числа в отдельных группах существительных. Об этом свидетельствует наличие в рассматриваемых языках особых лексико-семантических групп существительных, которые не образуют числовых корреляций. Это существительные, имеющие форму только ед. ч. (*singularia tantum*) или имена, имеющие форму только мн.ч. (*pluralia tantum*).

Известно, что имена существительные отражают явления объективной действительности, поэтому во всех языках мира, в том числе русском и адыгейском, среди существительных анумеральной семантики выделяются в особую группу такие слова, которые обозначают совокупность лиц, предметов, вещей, воспринимаемых как неделимое целое (русск. *студенчество*, *крестьянство*, *зверье*; адыг. *к1элэ-гьуалэхэр* «молодежь», букв.: «парни, ребята и

прочие, подобные им», *лӡыжъ-ныоӡъхэр* «пожилые», букв.: «старик-старухи» и др. Они составляют в каждом языке значительный пласт лексики.

По вопросу об отношении к категории числа имен существительных, не имеющих коррелятивной пары, в том числе и собирательных, в лингвистической литературе существуют разные точки зрения. Одни лингвисты рассматривают слова, не вступающие в бинарные противопоставления, вне грамматической категории числа. Как отмечает А.А. Реформатский, «Особенность существительных *singularia* и *pluralia tantum* состоит в том, что они стоят вне грамматической категории числа, поскольку у этих существительных нет противопоставления двух форм». Или: «Нет числового противопоставления двух форм, нет и категории числа как несинтаксической категории» [2, с. 391]. Он рассматривает эти группы существительных как аномалии в грамматической системе языка, так как «нормальным» существительным присуща данная категория – противопоставление ед. и мн.ч. На этой основе не подводятся под категорию числа такие имена существительные, которые образуют корреляции, выражающие отношения не единичность – множественность, а форма мн. ч. приобретает другое дополнительное значение. Поэтому большое количество имен существительных оказывается за пределами категории числа.

Другие лингвисты считают, что отсутствие одной из форм числа не может свидетельствовать об отсутствии у существительных категории числа вообще. Сторонники данной теории основанием такой гипотезы считают наличие у этих существительных грамматического оформления ед. или мн. ч. – морфологическое или синтаксическое. Поэтому признается, что о форме числа можно говорить и относительно указанных групп существительных. По мнению сторонников данной точки зрения, категория числа объединяет релятивные и деривационные корреляции и формы вне корреляций. Как отмечает В.И. Дегтярев, универсальный характер категории числа заключается в том, что имена существительные, обозначая предметность, обязательно имеют значение единственного или множественного числа, т. е. «хотя изменение по числам свойственно не всем существительным, но все же все они имеют грамматические значения числа» [3, с. 19]. Рассматривая существительные указанных групп в адыгских языках, мы исходили из этой точки зрения.

Отличительной чертой собирательных существительных в рассматриваемых языках является и то, что они не подпадают под обычное грамматикализованное противопоставление ед. ч. – мн. ч., на котором основывается числовая характеристика имен, т.е. грамматическая категория числа. Этим их можно противопоставить расчлененной, раздельной множественности предметов, выражаемой в языке грамматической оппозицией ед. ч. – мн. ч. В отличие от категории числа считаемых предметов, собирательная категория подчеркивает не столько количество, сколько совокупность, цельность предметов. Поэтому категория собирательности строится не на оппозиции один предмет – много предметов, а на оппозиции один предмет – совокупность предметов [4, с. 23].

Все перечисленные признаки указанных групп слов сближают собирательные имена существительные в русском и адыгейском языках.

Наряду с такими общими признаками расхождения между русским и адыгейским языками наблюдаются в формах употребления числа.

Известно, что природа и сущность категории собирательности, как и грамматической категории числа, могут быть понятны только в их взаимосвязи. Так, В.И. Дегтярев отмечает, что выбор формы числа при наименовании предмета обусловлено «характером предметно-логического содержания имени существительного и общими типами лексико-грамматических значений» [5, с. 21]. Сложность числового оформления собирательных существительных заключается и в том, что собирательность, с одной стороны, сталкивается с «единичностью» целостного, могущего входить во множества подобных ему единиц (*два народа*), с другой – с «единичностью», смыкающейся с неисчисляемостью (нельзя сказать «*два студенчества*») [6, с. 149]. Поэтому в одних языках собирательные существительные имеют форму только (или преимущественно) ед. ч., в других – только (или преимущественно) форму мн. ч., в некоторых языках возможно и факультативное употребление формы ед. или мн. ч. Об этом свидетельствует фактический материал русского и адыгейского языков. Так, в русском языке одним из главных и существенных грамматических свойств собирательных существительных считается то, что большинство слов, обозначающих совокупность однородных в каком-то отношении предметов, вещей, лиц и т.д., оформляются как существительные *singularia tantum*. Тем самым их смысловая особенность находит свое выражение в грамматической форме – в отсутствии формы мн. ч., что их отличает от других существительных со значением дискретной множественности. Однако в русском языке наличествуют и такие существительные с собирательным значением, которые имеют форму *pluralia tantum*: *всходы*, *деньги*. Еще в свое время А.А. Шахматов и другие лингвисты отмечали, что в русском языке категория совокупности может выражаться как в форме ед.ч., так и в форме мн. ч. [7, с. 439]. Итак, в отличие от дискретного

множества, собирательная множественность представляет собой единство или множество по форме (в зависимости от строя и особенностей языка), но множество по значению.

Употребление формы числа собирательных существительных в абхазо-адыгских языках носит несколько иной характер, чем в русском языке. Так, в указанных языках значение множества собирательных существительных может быть выражено не только лексически, но и грамматически. В абхазском и абазинском языках имена, образованные при помощи суффикса *-ра* и *-раа*, могут иметь и суффикс мн. ч. *-ква* и *-куа*: *axlva-ра-ква* «телята», *аса-ра-куа* «ягнята» [8, с. 130; 109], в адыгских – показатели мн.ч. *-хэ* и *-мэ*.

Если в русском языке большинство собирательных существительных имеют форму только ед. ч. (*солдатня, студенчество, зверье*), но и наличествуют слова, употребляющиеся только в форме мн. ч. (*всходы, потроха*), то в адыгейском языке рассматриваемые существительные в основном употребляются в форме мн. ч. в определенном положении, окружении, позиции, но возможно и употребление их в форме ед.ч. с определенным дополнительным значением.

В адыгских языках существительные *pluralia tantum* несколько отличаются от традиционных представлений, которые сложились о существительных таких групп в русском языке. Поэтому в отношении существительных *pluralia tantum* в адыговедении встает вопрос: причислять ли к именам существительным указанной группы только те, которые всегда имеют форму мн. ч., как в русском языке, или и такие, которые имеют названную форму только в определенном положении. Этот вопрос встает в связи с тем, что адыгские языки характеризуются слабой выраженностью противопоставления по числу имен существительных. Вследствие этого имя может быть нейтральным в отношении грамматических форм числа. Кроме этого, в адыгских языках мало таких существительных, которые не могли бы иметь форму ед. ч. Как отмечает М.А. Кумахов, в адыгских языках нет существительных *pluralia tantum* типа *ножницы* в русском языке. Но имеются такие, которые употребляются только в форме мн. ч. в определенном окружении, определенной позиции [9, с. 23].

Исходя из особенностей категории числа в адыгских языках, в которых наблюдается непоследовательность в противопоставлении форм ед. и мн. ч., возможностей выражения значения множественности, З.И. Керашева, М.А. Кумахов отмечают в рассматриваемых языках такие имена *pluralia tantum*, как слова с префиксальной морфемой *зэ-* (*зэныбджэгъухэр, зэшъэогъухэр* «друзья», «товарищи») [10, с. 1070]. Употребляя термин *pluralia tantum*, мы исходили из этой точки зрения, т.е. считаем, что к существительным данной группы можно отнести и такие имена, основной формой употребления которых является мн. ч.

Итак, помимо названных существительных, в адыгейском языке можно отметить и другие группы слов, которые преимущественно употребляются в форме мн. ч. К ним можно отнести редуцированные (*ллыжъ-ныоужъхэр* «пожилые», букв.: «старик-старухи», *клэлэ-гъуалэхэр* «молодежь», букв.: «парни, ребята и прочие, подобные им») и парные слова (*шъуз-клалэхэр* «семья», букв.: «жена-дети», *пцы-оркхэр* «князь-орки», букв.: «князь-орки»), которые обозначают собирательную множественность.

Можно отметить, что из двух групп собирательных существительных парные слова более последовательно придерживаются форм мн. ч.: они почти всегда употребляются в форме мн. ч. в именительном, эргативном и творительном (без определителей) падежах: *Клалэмэ цэ-гынхэр агъэхъазырыгъэх* «Ребята подготовили боеприпасы».

Форма мн. числа сохраняется и в сочинительных конструкциях, организуемых повторяющимся союзным суффиксом *-рэ*: *Зэхъоклыгъэ зыфэмыхъухэрэр пцыоркъ-хэмрэ фэкълхэмрэ азыфагу илъ зэфэмьдэныгъэр ары* (М.И.) «Без изменений остаются только отношения между князьями-орками и тфокотлями» (букв.: князь-орками).

В эргативе собирательные существительные (чаще – редуцированные) имеют варианты формы: с аффиксами – показателями множественности *-хэмэ, -хэм, -мэ/-м**. При этом преимущественно используется форма мн. ч.; зависимые слова (сказуемое, определение, притяжательные аффиксы) имеют только форму мн. ч.: *Къоджэ гъунэм заоу къыщыхъугъэм нэжъ-лужъхэм, сабыйхэм агучлэ рыхыгъ* (К.Т.). «*Пожилые* и дети испугались боя, завязавшегося на краю аула. В творительном падеже (без определителей) обязательно также наличие форманта *-хэ*: *Ны-тыхэмклэ* ар гушлуагъо (К. Т.). «*Для родителей* (букв.: мать-отцов) – это радость».

В превратительном падеже форму мн. ч. может иметь само собирательное существительное или синтаксически связанное с ним слово - постпозитивное определение или глагол: *Шъыпкъэ, нэжъ-лужъэу къуаджэм дэхэм бэрэ* ар упчлэгъу къашлыжы (К.Т.). Правда,

* *-М* рассматривается как вариант форманта *-мэ*, упрощенная его форма. При этом на значение множественности указывает синтаксически зависимое от собирательного существительного слово.

пожилые, живущие в ауле, часто советуются с ней.

Значение собирательности, которое является смысловой основой указанных слов, может быть осложнено дополнительными оттенками значения обобщенности, неопределенной множественности или одновременно обоими значениями, связанными между собой и выступающими в слове в единстве, отражая остаточное явление того состояния языка, когда собирательная множественность с обобщенным значением была формой проявления количественности до образования грамматических противопоставлений форм числа. Видимо, поэтому, преимущественно употребляясь в форме мн. ч., редулицированные слова в отдельных случаях функционируют и в форме ед. ч. с обобщенным значением: *К1элэ-гьуалэр* щагум диз «Двор полон *молодежи*» (букв.: «парней, ребят и прочих, подобных им» – в ед. ч.). Такое употребление чаще всего наблюдается при статических глаголах. При этом они могут иметь неопределенную форму, т.е. могут употребляться без падежного окончания и форманта множественности: *Шьуз-к1алэ* зили *ш1у* альэгьу. «Можно любить и (того), у кого есть *семья*», букв.: «жена-ребенок» [12, с. 26-27].

В отличие от форм мн.ч. считаемых предметов, форма мн. ч. собирательных существительных подчеркивает не только количество, обозначает не простое множество однородных предметов, а множество как совокупность единиц, которые не поддаются исчислению и не сочетаются с количественными числительными и другими словами, обозначающими конкретное число. Количественными определителями собирательных существительных в русском языке могут быть неопределенно-количественные слова и дробные числительные (*большинство* профессуры, *все* зверье, *четыре* пятах студенчества). В адыгейском языке в качестве определителей при них могут быть: а) разделительное числительное *зырызхэр* в значении неопределенных местоимений «*некоторые*», «*отдельные*»: *л1ыжъ-ныожъ* *зырызхэр* «*некоторые пожилые*»; б) приблизительные числительные типа *зэе-т1уаехэр* «*отдельные, некоторые*»: *к1элэ-гьолэ* *зэе-т1уаехэр* «*отдельные, некоторые молодые*»; в) неопределенное числительное *заулэ* «*несколько*»; г) определительные местоимения *пстэур* «*все*», *зэк1э*, *зэужэ* «*все*»; д) неопределенно-количественное слово *бэ* «*много*»: *пк1эшхъэ-мышхъабэ* «*много фруктов*» и др.

Кроме значения множественности, в собирательных существительных присутствует и различие. Собирательное мн. ч. – это не скопление одинаковых предметов, а скопление однородных, объединенных по какому-то общему признаку, но чем-то различающихся. В основе общего признака может лежать: возраст, социальное положение, черты характера, повадки, внешний вид и т. д. Лексическое значение формы простого (расчлененного) мн. ч. конкретного существительного (*к1алэхэр* «*ребята*») и значение формы мн. ч. редулицированного или парного слова с собирательным значением (*к1элэ-гьуалэхэр* «*молодежь*», букв.: «*парни, ребята и прочие, подобные им*», не одно и то же. Компоненты сложных слов в отдельности образуют коррелятивный ряд ед. и мн. ч. (если значения компонентов ясны): *пцы* «*князь*» – *пцыхэр* «*князья*», *оркь* «*орк*» – *оркьхэр* «*орки*»; *л1ыжъы* «*старик*», *ныожъы* «*старуха*», но образованные от них парные и редулицированные слова (*пцы-оркьхэр* «*князья-орки*», *л1ыжъ-ныожъхэр* «*пожилые*», букв.: «*старик-старухи*») обычно ставятся в форме мн. ч. и не образуют коррелятивного ряда (особенно при динамических глаголах). При этом они оформляются как одно морфологическое целое, т.е. показатели числа и падежа присоединяются к последнему компоненту.

Обозначение совокупности однородных, похожих чем-то предметов, вещей, лиц, а также наличие различия между составляющими множество элементами, невозможность сочетания редулицированных и парных слов с количественными числительными и другими словами, обозначающими точное число, – все это дает основание причислять данную группу слов адыгейского языка к собирательным существительным.

Итак, собирательные имена существительные в русском языке большей частью употребляются в форме ед.ч., хотя встречаются и имена в форме мн.ч. В адыгейском языке в основном они имеют форму мн.ч., но возможно и их употребление в форме ед.ч. с дополнительным значением обобщенности.

Литература:

1. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1947. 784 с.
2. Реформатский А.А. Число и грамматика // Вопросы грамматики: сб. ст. к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 372-400.
3. Дегтярев В.И. Категория числа в славянских языках (историко-семантические исследования). Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1982. 319 с.
4. Тутаришева М.К., Тутаришева М.К. Собирательность и категория числа (на материале

русского, адыгейского и английского языков // Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. «Проблемы обучения русскому языку как родному и неродному в современных условиях модернизации образования». Майкоп, 2003. С. 22-25.

5. Дегтярев В.И. Основы общей грамматики. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1973. 254 с.

6. Руденко Д.И. Имя в парадигме «философии языка». Харьков: Основа, 1990. 299 с.

7. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.

8. Ломтатидзе К.В. Абхазский язык // Языки народов СССР. В 5 т. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. М.: Наука, 1967. 712 с.

9. Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971. 338 с.

10. Керашева З.И. Краткий грамматический очерк адыгейского языка // Русско-адыгейский словарь. М.: Изд-во иностран. и нац. словарей, 1960. С. 1061-1097.

11. Тутаришева М.К. Имена существительные pluralia tantum в адыгских языках // Сборник научных трудов преподавателей, аспирантов и соискателей. Майкоп, 1997. С. 23-30.

References:

1. Vinogradov V.V. *Russian language (grammatical doctrine on the word)*. M.: High school, 1947. 784 p.

2. Reformatski A.A. *Number and grammar // Questions of grammar: coll. of articles on the 75th anniversary of academician I.I. Meshchaninov*. M.- L.: Publishing House of the USSR AS, 1960. P. 372-400.

3. Degtyarev V.I. *Category of number in the Slavic languages (historical and semantic studies)*. Rostov n / D: Publishing House of RSU, 1982. 319 p.

4. Tutarisheva M.K., Tutarisheva M.K. *Collectivity and category of number (based on Russian, Circassian and English languages // Proceedings of the All-Russian scientific conference "Problems of Teaching Russian as a mother tongue and second language in today modernization of education"*. Maikop, 2003. P. 22-25.

5. Degtyarev V.I. *Fundamentals of general grammar*. Rostov on/D: Rostov University press, 1973. 254 p.

6. Rudenko D.I. *Name in the paradigm of the "philosophy of language"*. Kharkov: Osнова. 1990. 299 p.

7. Shakhmatov A.A. *The syntax of the Russian language*. L.: Uchpedgiz, 1941. 620 p.

8. Lomtadidze K.V. *The Abkhazian language // Languages of the Peoples of the USSR. In 5 vols. V. 4. Iberian-Caucasian languages*. M.: Nauka, 1967. 712 p.

9. Kumakhov M.A. *Adyghe languages inflection*. M.: Nauka, 1971. 338 p.

10. Kerasheva Z.I. *Short grammatical sketch of the Circassian language // Russian-Adyghe dictionary*. M.: Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1960. P. 1061-1097.

11. Tutarisheva M.K. *Nouns pluralia tantum in Adyghe languages // Proceedings of the teachers, graduate students and applicants*. Maikop, 1997. P. 23-30 p.